

КУЛЬТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Л.Б. Вожева

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Анализ культуры русского зарубежья представляет особый интерес в условиях глобализации мира, когда проблема культурной самоидентификации нации достаточно актуальна. Тема русской эмиграции исследована на материале философской и литературной традиции России XIX—XX вв: творческое наследие русской религиозной школы конца XIX—XX вв, поэтов и прозаиков «серебряного века» и диссидентов.

Ключевые слова: зарубежье, эмиграция, изгнание, культура, философия, духовные ценности.

RUSSIAN CULTURE ABROAD

Analysis of the Russian emigre culture is a particular interest in a globalized world in which the issue of cultural identity of the nation rather urgent. Subject of the Russian emigration investigated on the materials of the philosophical and literary traditions of Russia XIX—XX centuries: the creative legacy of the Russian religious school the end of XIX—XX centuries, poets and writers of the "Silver Age" and dissidents.

Keywords: abroad, emigration, exile, culture, philosophy, and spiritual values.

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням.

*Данте. Божественная комедия.
Рай, XVII, 58-60.*

Одним из ключей к пониманию творческого наследия эмиграции являются слова В. Набокова — «Не будем проклинать изгнание...». Они в значительной степени объясняют

двуединство судьбы русских в зарубежье, для которых изгнание было одновременно и смертью и спасением, и грехом и искуплением греха.

Массовая эмиграция — особого рода явление в истории русской интеллигенции. В феврале 1917 года русская интеллигенция была более или менее едина, но дальше происходит генеральное размежевание. Оно уже идёт не столько по традиционным партийным колеям, сколько по более широкому водоразделу: решимость на ту или иную меру революционного насилия и социального радикализма. Революция и гражданская война в буквальном и переносном смысле раскололи Россию надвое. Одна её часть утратила своё исконное имя — Россия — и стала называться РСФСР, а затем СССР. Другая, побежденная, образовала Россию за рубежом — русское зарубежье. Эта часть русского общества, находясь в изгнании, продолжала сохранять своё единство, надеясь, что пребывание вне родины окажется временным. В статье мы обратимся к истории культурной жизни «общества», изгнанного с родины и создавшего свою собственную «страну» без физических и юридических границ.

Сначала новые изгнанники организовали свою жизнь так, чтобы в любой момент, когда Россия освободится от тирании большевиков, вернуться и снова включиться в политическую, культурную и общественную жизнь на родине. По этой же причине они хотели, чтобы их дети, независимо от того, где они родились — в России или на чужбине, оставались русскими, более всего опасаясь их «денационализации». Большая часть детей эмигрантов выросла двуязычными и с двойным самосознанием — русским и той страны, которая предоставила им приют.

Эмиграция переставала быть лишь способом физического выживания, она приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины независимо от того, суждено ли было эмигрантам вернуться домой или умереть на чужбине.

Русские не стали на чужбине просто группой людей, спасшихся бегством от политических преследований. Общность

русских приобрела характер «общества в изгнании». Этому способствовало два фактора. Во-первых, за границей были представлены практически все слои русского дореволюционного общества. Русская эмиграция не была однородной по конфессиональной и этнической принадлежности, уровню образованности и экономическому статусу. Во-вторых, эмигранты сознательно стремились вести русский образ жизни. Из двух «Россий», возникших вследствие политических событий, именно Россия за рубежом, которая проявила твёрдую решимость и недюжинную доблесть, продолжая быть Россией, оказалась более «подлинной» и более продуктивной в культурном отношении.

Историю русской эмиграции как массового явления принято начинать с 1920 года.

Интеллигенция особенно трудно адаптировалась к эмиграции. Россия, и только она, продолжала существовать в созданных за пределами Отечества книгах, симфониях, песнях, кинофильмах. Так было всегда: от Ивана Бунина до Андрея Тарковского, от Святослава Рериха до Михаила Шемякина.

Желание оставаться как можно ближе к России и панический страх перед ассимиляцией, и опасение стать «обычными иммигрантами» — здесь и следует искать объяснения тому, что Америка не стала «провинцией» России за рубежом, не смотря на то, что некоторые беженцы поселились и здесь.

Внутри столицы Франции образовался русский городок, его жители могли почти не соприкасаться с французами. По воскресеньям и праздникам они ходили в русские церкви, по утрам читали русские газеты, покупали провизию в русских лавчонках и там узнавали интересовавшие их новости. Закусывали они в русских ресторанах и дешёвых столовых, посылали детей в русские школы, по вечерам они могли ходить на русские концерты, слушать лекции и доклады и участвовать в собраниях всевозможных обществ и объединений... В эти годы в Париже было более трёхсот организаций, все эти общества устраивали заседания, обеды, «чашки чая», служили молебны и панихиды...

Последний удар по России за рубежом был нанесён начавшейся в 1939 году Второй мировой войной, особенно

немецким вторжением во Францию и её поражением в мае — июне 1940 года. С началом Второй мировой войны началось переселение русских эмигрантов из Европы за океан, главным образом в США, Канаду и Аргентину.

Важнейшим фактором послевоенного периода для русского зарубежья была встреча двух волн эмиграций — первой и второй. Вторую волну эмиграции составили выходцы из Советского Союза, добровольно или вынужденно покинувшие родину в ходе Второй мировой войны.

В 1945 году произошли два важных события, которые и положили конец истории России за рубежом. Во-первых, молодое поколение эмигрантов, принявшее участие в войне против Гитлера, и их дети оказались полностью интегрированными в общества тех стран, где они проживали. После войны многие из них, даже не отказываясь от русского языка и культуры, ощущали себя обычными гражданами этих стран. При этом некоторые из них, пользуясь преимуществами, которая давала им языковая и культурная двойственность, способствовали развитию интереса к изучению русской истории и литературы.

Во-вторых, за границу стали прибывать русские беженцы второй волны — так называемые «перемещённые лица». Часть из них составляли эмигранты, прежде жившие на Балканах и в центральной Европе и вновь бежавшие от Красной Армии. В основном, однако, это были военнопленные, угнанные на работу в Германию, мирные жители Советского Союза или же те, кто по каким-либо причинам решил воспользоваться немецкой оккупацией и бежать от сталинского режима. В отличие от своих предшественников — эмигрантов 1920—1921 гг. эти новые беженцы отнюдь не стремились к воссозданию России за рубежом. Они хотели лишь обрести мир, безопасность, спокойную жизнь вдали от кошмаров Советской России. Многие из них эмигрировали затем в Канаду, США, Латинскую Америку или в Австралию.

С началом «холодной войны» ведущая страна демократического мира, США, стала противодействовать СССР как своему врагу и рассматривать русскую эмиграцию как важный пропагандистский инструмент в этом противодействии. Именно поэтому вторая волна быстро приобрела влияние, к

её голосу стали прислушиваться, её услугами стали пользоваться и правительственные учреждения, и общественные организации.

Это положение «рикошетом» отозвалось и на старой эмиграции, среди которой было больше квалифицированных специалистов, людей со знанием иностранных языков; они начинают работать на различных радиостанциях, вещающих за «железный занавес», во всевозможных исследовательских учреждениях.

Вторая волна значительно отличалась от первой. Как отмечал Г. Струве: «Пишущая новая эмиграция принесла с собой свой опыт, иные навыки, совершенно новые настроения. Во многом на ней не смогли не сказаться — и в хорошую и в дурную сторону — 25 лет советчины». [5]

Вторая волна была сформирована в сталинские годы, она родилась и выросла в атмосфере «кислородного голодания» — без органической культурной преемственности. Несомненно, это было одной из причин того, что из всех трёх волн она оказалась наименее продуктивной и интересной в плане творчества. Послевоенная эмиграция имела уже и другой состав, и другие места сосредоточения. Если послереволюционная эмиграция состояла главным образом из интеллигенции, которая выехала из России с мечтой о возвращении на родину, и предпринимала все возможное, чтобы сохранить свой язык, культуру и не ассимилироваться в странах проживания, то послевоенные эмигранты не питали иллюзий о возможном возвращении на родину. Они знали, что на родине их ждут только репрессии, поэтому послевоенные эмигранты стремились скорее раствориться в местном населении и лишь немногие из них хотели чувствовать себя и оставаться русскими. И если послереволюционная эмиграция старалась быть ближе к родине и сосредоточилась в Европе, то послевоенные эмигранты устремились главным образом за океан.

Новый поток эмигрантов из России, получивший название «третьей волны» приходится на 1970-е годы. В эти годы советское правительство тюрьмам и лагерям предпочитало другую форму наказания — высылку «неудобных» за границу. Была распространена и более мягкая форма воздействия:

органы КГБ настойчиво советовали покинуть родину. Кроме того, многие советские граждане воспользовались предоставленной возможностью (принятым законом о выезде) и эмигрировали по собственному желанию.

За два последних десятилетия XX века за рубежом оказалось много представителей творческой интеллигенции, которая не мирилась со своим положением изгнанников и продолжала активную борьбу за свою творческую индивидуальность, за преобразования на родине. Поэтому как первый массовый поток русской интеллигенции за рубеж после революции, так и последний поток русской интеллектуальной эмиграции очень много сделал для развития русской культуры за рубежом. Большинство представителей «третьей волны» оказались в США. Активная деятельность в области русской культуры и позволила именовать русскую эмиграцию последних семидесяти лет зарубежной Россией, ибо действительно созданное русскими деятелями культуры за рубежом вполне сопоставимо с тем, что создано на родине в условиях жестокого идеологического контроля.

Последний поток эмигрантов устремился за рубеж уже в годы перестройки и имеет совершенно иные мотивы эмиграции и о нём вести разговор ещё рано.

Итак, все три волны сформированы разными временами, разной культурной средой, что наложило серьёзный отпечаток на творческий потенциал представителей каждой из них.

Творческое наследие представителей русского зарубежья — это огромный, содержательно глубокий пласт не только русской, но и мировой культуры. Особое место здесь занимают философская традиция и литературное наследие. Для представителей Русского Зарубежья культура была существенной составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Все её проявления в литературе, художественном и научном творчестве нации, которое развивается в рамках таких общественных институтов, как церковь, школа, театр, книги и журналы, неформальные общественные клубы, общества и организации, отмечены печатью особой русской индивидуальности.

В чём же выражалось это уникальное русское самосозна-

ние? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Это был сплав допетровских и народных элементов, в значительной степени, хотя и не полностью, воплощённых церковью в её ритуалах и учении, с привнесёнными извне направлениями и достижениями постренессансной культуры Западной и Центральной Европы.

Особое место в культуре Русского Зарубежья занимает философия. Настало время открыто сказать и о поучительности философских раздумий Русского Зарубежья. Культурология и философия, созданные его представителями, приходят к современному читателю в качестве важного, существенного дополнения, без которого невозможно понимание своеобразия и цельности нашей национальной культуры и национальной духовности

Философы Русского Зарубежья оказали сильнейшее, во многом определяющее влияние на европейские и североамериканские исследования истории русской философии. Такие произведения, как «Русская идея» Н. А. Бердяева (1946 г.), «Пути русского богословия» Г. В. Флоровского (1937 г.), двухтомная «История русской философии» В. В. Зеньковского (1948—1950 г.г.), работы Б. П. Вышеславцева, Г. П. Федотова, П. А. Сорокина, изданные на русском и иностранных языках, известны практически каждому западному русисту. Эти труды составляют истоки западной историографии русского идеализма.

Большая группа русских философов была выслана из России осенью 1922 года. Решение о высылке было неожиданным. Никто не предполагал, что большевики пойдут на такую экстравагантную меру «идеологической ассенизации», как групповое изгнание лучших умов из России.

Чтобы представить себе всю мощь философской культуры зарубежной России, достаточно перечислить имена лишь наиболее известных русских мыслителей, которые жили и творили в эмиграции — Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, С.Н. Гессен, Г.Д. Гурвич, Л.А. Зандер, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, В.И. Ильин, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, В.Н. Лосский, Д.С. Мережковский, П. И. Новгородцев, П. А. Сорокин, П. Б. Струве,

Н.С. Трубецкой, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк, Д.И. Чижевский, Л.И. Шестов, Б. В. Якубенко. В эмиграции, по некоторым оценкам, находилось около пятисот учёных. [6]

Эмигрантской ветви русской философской культуры принадлежит приоритет в постановке целого ряда философско-исторических, культурологических и других проблем, впервые ставших предметом широкого обсуждения советскими учёными и публицистами лишь второй половины 80-х годов XX века. К их числу относятся осмысление роли православия в развитии русской духовной культуры и национального самосознания русского народа, анализ национальной специфики философской культуры России XIX—XX веков, постановка вопроса об основных чертах русской нации в XX столетии.

Великий философ Русского Зарубежья С. Н. Булгаков, будучи христианином, отказался признать религиозный подъём иллюзией, соблазном, маревом, застилающим путь к вечности. Центр творчества Булгакова — учение о Софии, где нашло обоснование такое христианство, которое не только спасает от «мира», от рабства низшей природы, но и спасает мир, беря на себя ответственность за него. А мир того стоит, ибо имеет свой пролог на небесах, идейный замысел в Боге: всеединный организм этих идей и есть София Премудрость, идеальный «план» мирового целого, его предвечная красота и гарантия его «надвременной» ценности.

Христианство впервые признало бесконечную ценность человеческой души, явилось почвой персоналистской традиции, где личность понимается как своеобразная святыня, абсолют. В этой связи нельзя не вспомнить русского философа, богослова, яркого и своеобразного мыслителя русского зарубежья Л. П. Красавина. Главный его труд, финальный синтез его философской мысли — книга «О личности», где была выдвинута оригинальная «базисная модель» онтологической структуры. В основе её лежит ключевая идея о том, что онтологическая структура триединства — всеединство осуществляется в личности, описывает строение и жизнь личности. Цель и смысл жизни человека в приобщении к полноте божественного, а значит, и в становлении истинной личностью, ибо Бог — смысл личности.

Проблема национального самосознания и особенно русского народа волновала философов русской эмиграции. Весь мировой путь бытия, как отмечает Н. А. Бердяев, есть сложное взаимодействие реальных ступеней мировой иерархии в другую — личности в нацию, нации в человечество, человечества в космос, космоса в Бога. Есть только один исторический путь к достижению высшей всечеловечности, к единству человечества — путь национального роста и развития, национального творчества. Россия в этой связи — есть творческое начало, ценность, обогащающая мировую жизнь и культуру.

Здесь следует пояснить, что вышеназванные философы и поставленные ими проблемы не ограничивают круг деятельности философов Русского Зарубежья. Например, такой крупный историк русской философии и церкви, как Г.П. Федотов отстаивает точку зрения, противоположную религиозно-детерминистской версии русской философской культуры, объяснявшую её национальное своеобразие спецификой восточно-христианской церковной догматики. В статье «Национальное и вселенское» (1928 г.) Федотов подчёркивает, что национальное в культуре вовсе не сводимо лишь к религиозному, поскольку «глубинную и внешнюю, духовную и материальную жизнь нации» наряду с богослужением составляют также художественное творчество и философская мысль, хозяйственная и политическая организация.

Тему судьбы русской нации исследовал в своём творчестве выдающийся русско-американский учёный-социолог, историк, философ П. А. Сорокин. В своих работах («Основные черты русской нации», «Россия и Соединённые Штаты», «Общество, культура и личность» и др.) социолог номер один в современном мире, так он назван в редакционном комментарии «Анналов», говорит о вкладе русских в развитие мировой культуры, прослеживает связи истории русской духовной культуры с ходом исторического развития страны. Сорокин ведёт полемику с поверхностным и упрощённым представлениями об основных чертах русской нации, истории и культуры.

Таким образом, крупнейшие мыслители Русского Зарубежья своей деятельностью способствовали формированию условий для лучшего взаимопонимания между различными

странами и цивилизациями нашей планеты. Перефразируя известное высказывание А.И. Герцена, можно сказать, что исследования философов-эмигрантов спасли честь русской философии в глазах мирового сообщества, и возвращение на родину их трудов способствует возрождению русской философской культуры в России.

В силу ряда причин, доминирующей формой выражения творческого потенциала русской культуры всегда, начиная с петровской эпохи, была литература. В разнообразных своих формах она отображала русский культурный идеал и наиболее яркие элементы самосознания интеллигенции. В эмиграции литература приобрела ещё более существенное значение для сохранения «русскости» коллектива эмигрантов, поскольку язык, слово выступают как основные признаки принадлежности к определённой группе.

Как нами уже было отмечено — все три волны русской эмиграции были сформированы разным временем, разной культурной средой, что наложило серьёзный отпечаток на литературу.

Одна из важнейших тенденций развития русской литературы за рубежом в период между двумя войнами — стремление сохранить традиции отечественной литературы, культуры. В понятие «русские литературные традиции» вкладывался достаточно определённый смысл — речь шла, прежде всего, о классической русской литературе девятнадцатого века.

Писатели Русского Зарубежья стремились сохранить традиционное понимание миссии искусства как миссии социальной. Цель литературы — не литература сама по себе, её цель — воскрешение, запечатление исчезнувшей России, высокий нравственный пафос, религиозность. Они часто обращаются к образу русского крестьянина, как выразителю национального мироощущения, создают иногда идеализированный образ дореволюционной России.

Оторванность русской интеллигенции от родины порождала стремление утвердить свою национальную принадлежность, сохранить национальные черты в культуре. Русская на рубеже веков развивалась в живом взаимодействии с литературой Запада. В двадцатые же годы, придя в непосредственное соприкосновение с западноевропейской культурой, она

как бы инстинктивно стремится обособиться, тем самым сохраняя себя как национальное явление.

Поэтому не случайно, что все оказавшиеся в изгнании известные прозаики принадлежали к реалистической традиции русской литературы (Мережковский, как и Бунин, стоят несколько особняком). Исключение составлял А. Ремизов — совершенно особый, игривый, барочный, черпающий вдохновение в сверхъестественном (в гоголевском понимании). Другие, в особенности Бунин, Зайцев, Шмелёв и Алданов, могут считаться продолжателями традиций Тургенева, Толстого, Чехова. Как и для их предшественников, подробное описание жизни не было для них самоцелью, а призвано было вскрыть глубинный человеческий смысл, заложенный в судьбах героев и в описываемых ситуациях. В нечастых описаниях судеб эмигрантов они также выходили на уровень общечеловеческих обобщений. Однако наиболее важную часть их творчества за границей составляли воспоминания и ностальгические обращения к прошлому. В любом случае они избежали характерных для социалистического реализма дидактизма, приукрашивания и мифологизации.

Другие писатели, последователи той же традиции, оставили нам незабываемые юмористические, подчас едко сатирические зарисовки жизни в эмиграции. В их числе следует назвать Дона Аминадо, Тэффи, А. Даманскую. На них не оказали заметного воздействия зарубежные литературы, их не поглотила литературная среда тех стран, где они проживали. Этим, быть может, объясняется, почему их переводили гораздо меньше, чем можно было ожидать. Даже присуждение И. Бунину Нобелевской премии в 1933 году не способствовало заметному росту числа переводов и изданий их сочинений на иностранных языках. Награда Бунину означала признание более высокого уровня старой литературы по сравнению с современной советской. Наконец, она явилась общественным признанием литературы в изгнании, её художественной самостоятельности. Международное культурное сообщество по достоинству оценило творческие возможности, морально-эстетическую роль писателя-изгнанника, работающего вдали от родины.

От более молодого поколения писателей-эмигрантов трудно было ожидать, что они повторяют опыт своих старших коллег и пойдут по их стопам. Их не только отличал иной опыт жизни в дореволюционной России, восприятие революции и гражданской войны — волей-неволей они глубоко погружались в атмосферу зарубежных стран. Они оказались наиболее восприимчивыми к новым тенденциям, обозначившимся как в советской, так и в западной литературе. Многие из них, например В. Набоков, демонстративно разрывают связи с традициями русской литературы девятнадцатого века. Недаром между «старшими» и «младшими» поколениями шли нескончаемые споры.

Эстетические принципы молодых литераторов были неприемлемы для старших — «вечных шестидесятников», как их называет В. С. Варшавский. Начавшие литературную деятельность только за рубежом, не успевшие приобрести известность в России, лишённые поддержки «отцов», писатели младшего поколения столкнулись с серьёзными трудностями. В 1935 году В. Ходасевич пишет: «... и сейчас ещё далеко не миновала пора, когда молодых не хотели печатать вовсе, либо печатали в аптекарских дозах». [7] У «отцов ещё оставалась твёрдая почва под ногами: воспоминания, землячества, эмигрантская «общественность», а «сыновья» находились в неслыханной социальной пустоте и условиях материальной нищеты. Чем объяснить, что «молодые оказались в таких условиях? ... Причина была, верно, в том, что молодые не могли и не хотели писать так, как тогда требовалось. Если «отцы» шли по пути, проложенному русской литературой девятнадцатого века, то прозу «молодых» отличал поиск новых форм. Они испытывали влияние Пруста и Кафки, ощущали, быть может, даже более сильно, чем старшее поколение воздействие духовных исканий авангардистов и модернистов 10—20-х годов. Молодые прозаики, чей дебют состоялся в эмиграции, например, Сирин (В. Набоков), Ю. Фельзен, Б. Поплавский, В. Яновский, в той или иной мере, более или менее последовательно придерживались этой ориентации.

Многие с самого начала печатались на иностранном языке. В этой связи следует сказать о В. Набокове, который бесспор-

но являлся наиболее талантливым писателем Русского Зарубежья из плеяды «молодых». Набоков в процессе творчества заставляет себя превратиться в американского писателя. Его обращение к английскому языку, который он знал с детства, во многом объяснялось неудовлетворительными переводами его произведений. О трудностях «перерождения» Набоков писал в своих письмах как об агонии. Он испытывал почти физиологическую муку, расставаясь с гибким родным языком. Но это испытание Набоков выдержал с честью, это было не только перерождение языка, но и писательского сознания. С момента переезда в США в 1940 году Набоков считает себя американским писателем, лишь некоторые романы он переводит на русский язык.

Сюжет о молодых прозаиках Русского Зарубежья можно закончить словами А. М. Ремизова: «Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиция передаётся не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение...» [8] Слова Ремизова оказались пророческими.

Ситуация в поэзии была сложнее. Переломным этапом в развитии русской поэзии оказался Серебряный век. Его новаторство расчистило дорогу для таких ещё более смелых течений, как футуризм, акмеизм, символизм. Из старшего поколения признанных лидеров символизма в изгнании оказались В. Иванов, З. Гиппиус, К. Бальмонт. Несмотря на то, что они продолжали писать стихи, центр их интересов сместился в другую плоскость, или же просто вдохновение оставило их. Новые стихи, написанные В. Ивановым в 20–30-е годы в Италии, были опубликованы лишь в конце 30-х годов, а некоторые даже после Второй мировой войны. В целом же он отделился от Русского Зарубежья, эта изоляция была связана с его переходом в католицизм.

Наиболее известной поэтической школой накануне революции и в самые первые годы существования советского режима был акмеизм. Некоторые представители этого

течения — Г. Иванов, В. Ходасевич, И. Одоевцева — оказались в Русском Зарубежье. К их числу можно причислить и молодого Сирина (В. Набокова). Их творческие достижения в изгнании носили более скромный, менее новаторский характер в отличие от того, что было создано на родине. Но их присутствие в Русском Зарубежье имело большое значение, их имена появлялись на страницах большинства эмигрантских изданий. Они поддерживали связь с представителями модернистского авангарда в Советской России. Маяковский и Есенин представлялись чересчур политизированными, пропагандистскими и резкими, но О. Мандельштам, А. Ахматова, Н. Гумилёв и Б. Пастернак писали стихи, которые высоко ценились в Русском Зарубежье, хотя не всегда встречали полное понимание.

Наиболее значительной фигурой в поэзии Русского Зарубежья была Марина Цветаева, сохранившая тесные связи с модернистами на родине. Читающая публика в эмиграции и даже литературные критики никогда не принимали её творчество безоговорочно, несмотря на то, что её произведения, и поэтические и прозаические, печатались много. Поэтесса своим творчеством стимулировала развитие русской поэзии. Если иметь в виду мир поэзии, то здесь нельзя говорить о двух литературах — это было развитие единой поэтической традиции.

Подобная ситуация не могла не оказать воздействия на то поколение поэтов-эмигрантов, которое было слишком молодое, чтобы заявить о себе до революции. Эти поэты дебютировали в конце 20-х — начале 30-х годов. Из-за географической разобщённости Русского Зарубежья в его поэтическом хоре можно было расслышать пражскую, берлинскую, главную — парижскую ноты. Парижские поэты продолжали усилия своих предшественников в послереволюционный период, как в России, так и за рубежом, ведя поиск путей для выражения своих переживаний. Важно отметить, что в отличие от большинства своих соотечественников за границей они проявляли живой интерес к литературным и художественным новшествам Запада, прежде всего Франции (кедбизм, дадаизм, сюрреализм). Их опыт — это пример доселе не изведанного духовного одиночества в чуждой, иностранной среде. Образцом фор-

мы и техники, а временами источником вдохновения для них служила поэзия Гумилёва, Мандельштама, Пастернака и их товарищей-эмигрантов — Иванова, Цветаевой, Ходасевича. Молодые парижские эмигранты создали практически новую русскую поэзию, хотя и были тесно связаны с формальной традицией национальной литературы (А. Гингер, Б. Поплавский, С. Прегель, Н. Станюкович, Н. Цетлин, Амары (М. Цетлин), Ю. Терапиано, В. Смоленский). Самые большие надежды среди молодых парижских поэтов подавал Б. Поплавский, который умер совсем молодым, не раскрыв всех граней своего поэтического дарования. Большие потери понесло это поколение также после войны.

После Второй мировой войны литературное творчество за рубежом продолжало активно развиваться. На смену старшему поколению пришли как молодые русские писатели, родившиеся уже за рубежом, так и новые эмигранты из числа так называемых «перемещённых лиц».

Значительная часть писателей третьей волны оказались за границей уже сформировавшимися литераторами. Однако в отличие от старшего поколения первой волны, представители которого в большинстве своём тоже стали известны ещё в России, их творчество лишено черт, характерных именно для зарубежного периода и позволяющих видеть в эмигрантской литературе 70—80-х годов некое самостоятельное целое, принципиально отличающееся от российской литературы предшествующего десятилетия.

В целом лучшее из изданного за рубежом написано ещё на родине. В принципе эмигрантские писатели договаривали на Западе то, что им не дали сказать дома.

В литературной жизни «шестидесятых» в Советском Союзе можно выделить два направления. Одно из них реализовалось на страницах «Нового мира», редактором которого в это время был Твардовский, призывавший писателей говорить правду «о хозяйственной, о производственной жизни страны ... о духовной жизни нашего человека».

Главным, если не единственным инструментом «Нового мира» была правда. Ради неё можно и нужно было идти на жертвы, которые сами по себе были немалыми

— художественный эксперимент, чистое искусство. Литература получила чёткую задачу — воссоздать «правду жизни».

Естественный консерватизм общественного вкуса привёл к образованию анархического авангарда — тех, кто видел в искусстве антитезу реальности.

Писатели, принадлежащие к этому направлению, приняли лозунг чистого искусства, как единственной осмысленной деятельностью человека, единственным оправданием его жизни, искусство самоценное, бесполезное и бескорыстное.

Во главу угла ставится эстетика и отвергается «полезность». Писатель «третьей волны» Сергей Довлатов пишет о своём поколении: «Желая вернуть литературе черты изящной словесности, они настойчиво акцентировали языковые приёмы». А писатель той же волны Саша Соколов характеризует свою творческую позицию так: «Я не стремлюсь кого-то в чём-то убедить, чему-то научить, настоять на своём прочтении мира ... Литература — вообще не о жизни, следовательно, разговор о моральности и аморальности не уместен ...» [9]

Русская эмиграция, как мы уже отмечали, всегда видела своё назначение в сохранении и развитии отечественной словесности. Однако на разных этапах развития русской зарубежной литературы в эту формулировку вкладывался разный смысл.

Меняется и отношение к русской классической литературе девятнадцатого века. Литературная обстановка, сложившаяся в советской России в шестидесятые годы, была такова, что под традицией понималось совершенно иное. Большую роль здесь сыграла публикация множества произведений, неизвестных до этого советскому читателю.

«Анна Ахматова... и другие «трагические неудачники», которых мы в шестидесятые узнавали и читали взахлёб: Марина Цветаева, Михаил Булгаков, Осип Мандельштам, Андрей Платонов, Борис Пастернак, Николай Заболоцкий ... Голова кружилась!», — пишет Елена Игнатова. «Мы примкнули к существующей традиции, выбрали в качестве образца гражданскую и литературную позицию ряда замечательных писателей советской поры. Мы начинали в шестидесятые годы, когда истинность и плодотворность этой традиции была ослепительно очевидна». [10]

Шестидесятые годы произвели заряд нигилизма. А что же стало позитивной идеей? Какую духовную, культурную основу они переняли? Они несли в себе ностальгическую тоску о культуре «Серебряного века» и о двадцатых годах. И начало века, разнообразное и блестящее, представлялось им чистым праздником духа, растоптанным посторонней жёсткой силой... И всё, что подавлялось в течение четырёх предыдущих десятилетий — модернизм, бунт против традиций, ориентация на западную культуру — стало бурно развиваться.

«Моё литературное поколение, как я понимаю, имело свою миссию, которая была связана с модернистскими течениями». [11]

Только за два десятилетия с конца 60-х до конца 80-х годов родину вынуждены были покинуть такие талантливые писатели и поэты, как Василий Аксёнов, Юз Алешковский, Иосиф Бродский, Владимир Войнович, Наталья Горбаневская, Сергей Довлатов, Александр Зиновьев, Наум Коржавин, Эдуард Лимонов, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Андрей Синявский, Александр Солженицын и многие другие. О высоком уровне их художественного творчества говорит хотя бы такой факт, что двое из них добились высочайшего признания — присуждения Нобелевской премии (в 1970 году — А.Н. Солженицын, а в 1987 году — И. А. Бродский). О последнем С. Довлатов писал: «Бродский создал неслыханную модель поведения. Он жил не в пролетарском государстве, а в монастыре собственного духа». [12]

Все эти имена наших современников сейчас хорошо известны не только за рубежом. Как и предсказывал Г. П. Струве, два потока русской литературы, одной — созданной на родине в условиях жесткого идеологического контроля, но тем не менее обогатившей русскую культуру, и другой — литературы зарубежной России, созданной в условиях свободного творчества, но в отрыве от питающей её национальной почвы, сливаются ныне в единое русло.

Есть нечто великое, соединяющее и возвышающее нас, людей, где бы мы ни были во времени и в пространстве — это устремлённый в будущее вдохновенный зов предков к человечности. Слышим ли мы его сегодня в нашем техно-

логичном мире? Сколько богатств потеряли, став глухими к этому зову?

1. Берберова Н. Курсив мой / Н. Берберова. М., АСТ, 2010
2. Иванов В.В. Русская диаспора, язык и литература / В.В. Иванов // Диапазон № 213, 1993.
3. Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции / В. Костиков. М., АСТ, 2008
4. Куликов Н.Г. Я твой Россия / Н.Г. Куликов. М., Издательство Совета, 1990
5. Мышалова Д. Очерки по литературе русского зарубежья / Д. Мышалова. Новосибирск, Наука, 1995
6. Назаров М. Миссия русской эмиграции / М. Назаров. Ставрополь, 1992
7. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 2003
8. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939 / М. Раев. М., Прогресс-академия, 1994
9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. М., 1995
10. Федотов Г. О судьбе русской интеллигенции / Г. Федотов. М., Знамя, 1991